

ИСТИННО «БЕЛЫЙ ОФИЦЕР»

РОДИЛСЯ Иван Калиничев в Вологодской области. Окончил семилетку, поступил в речное училище, но не успел окончить: в 1942-ом забрали с направлением в пехотное училище в Ярославскую область. Курсантом он был направлен на пополнение 41-ой гвардейской дивизии с дальнейшей отправкой на фронт.

В звании младшего лейтенанта, Калиничев попал в 52-ой полк НКВД по охране железных дорог и коммуникаций, где прослужил до 1946 года. В сентябре 1946-ого, будучи уже почти год женатым, уволился из Вооруженных Сил и уехал в Кемерово, на родину жены...

Поворотной точкой биографии младшего лейтенанта Калиничева можно считать январь 1951 года, когда он был призван из запаса в ряды Военно-строительных частей и получил назначение в «почтовый ящик №9». Местом дислокации горного полка, куда командиром взвода попал Калиничев, был «пункт Ш» - Шумиха.

СКАЗАТЬ, что жизнь на секретной стройке была несладкой - не сказать ничего. Санитарных условий - никаких. Кухня в отдельной землянке, откуда наряд ведрами разносил пищу по казармам. А сами казармы строились силами солдат и офицеров и отапливались печами-временками из 200-литровых бочек. Как можно было решать бытовые вопросы «в нерабочее время» - непонятно, ведь работа на производстве велась круглосуточно в три смены: силами горного полка создавалась шахта для ядерного реактора. Но даже при таком режиме работы офицеры находили в себе силы забежать домой, в военный городок, к уже спящим женам и детям. Дорога до дома была нелегкой: по темну шли пешком через огромные овраги, чтобы через 3-4 часа уйти обратно в часть.

В том же 1951-ом Иван Калиничев был назначен, наверное, на самую главную в его жизни должность - командир роты.

- Это самая ответственная в армии должность, забытая богом и проклятая чертом, - считает Иван Дмитриевич, прослуживший командиром роты более 20 лет. - Это самая черновая работа. Командир роты - это весь личный состав, вещевое снабжение, дисциплина, производительность труда и т.д. Первая ответственность за всё лежит на нём. Командир роты - это отец солдат. И если мне поручили 200 человек, а тогда рота была двести человек, то я за всех несу ответственность, в первую очередь - отеческую.

ВЫРАЖАЯСЬ научным «секретным» языком, в задачи роты Калиничева входили: «выработка вертикальных стволов до проектной отметки и горизонтальная проходка на соединение с другими точками», а затем - «выработка камер под реакторы». По-русски это звучит так: вырыть и забетонировать. То есть сделать устойчивый «каркас» шахты, а дальше - уже дело монтажников.

А для того, чтобы «забетонировать», на «объекте О» построили асфальтобетонный завод, с которым связано одно из самых больших «НАДО» в жизни Ивана Дмитриевича.

Незадолго до пуска реактора рота встала перед задачей строительства ядерного могильника - на случай, если вдруг произойдет авария и надо будет «хоронить» отходы. Строительство открытое: котлован вырыт, нужно заасфальтировать. А на дворе зима, холод. Как быть? Сели - подумали - решили. И начали работу. Ставили 20-метровые палатки, калориферами разогревали землю, насыпали гравий, утрамбовывали, сверху клали нагретый до нужной температуры асфальт и укатывали небольшими катками. Через двое суток

Самый, может быть, главный секрет жизни Иван Дмитриевич Калиничев узнал еще в молодости. В госпитале блокадного Ленинграда, где ему, тяжело раненному на фронте, оперировали руку, работал пожилой профессор-медик, умевший удивительным образом поддерживать в молодых солдатах желание жить. Каждый день он подходил к Ивану, клал парню в ладонь резиновый мячик и заставлял: «Жми, Ваня. Будешь жать - останется рука с тобой, не будешь - потом ни на кого не обижайся»...

Эти слова старичка-профессора Иван Дмитриевич, недавно отметивший 80-летний юбилей, пронес через всю жизнь, научившись с надеждой смотреть в будущее, замечать во всем только хорошее, никого не винить в неудачах и радоваться каждому дню. Более того - научил этому всю свою большую семью: а это пять детей, восемь внуков и одиннадцать правнуков.

палатку переставляли и все начиналось сначала. Через месяц могильник был готов.

ПОСЛЕ пуска реактора в 1958-ом, забот у командира роты не убавилось. А отдыхать от них наш герой мог только в отпуске, но и на отдыхе все равно помнил о своих солдатах.

Путевки на юг отец-командир брал зимой, когда никто туда не ехал. Так как очень часто в его роту отправляли служить ребят с Закавказья, он по просьбе своих солдат всегда заезжал в их семьи. Вот один случай. Как-то перед отпуском собрал комроты всех в канцелярии: так и так, мол, ребята, чтобы был порядок и в работе, и с дисциплиной. Тут встал командир взвода Михаил Курманов: «Можно вопрос? - Можно. - Я слышал, вы едете на Кавказ. У меня в Баксане, в Кабардино-Балкарии, родители живут. Передайте им письмо, посмотрите, где я родился». Командир не отказал. Приехал в Баксан. Родня загудела: «Мишин командир!». Встречу устроили, как падишаху, по всем кавказским обычаям -

Иван Калиничев с женой Марией, 1951 год

Старшие дети Калиничевых с друзьями возле барака, в котором они жили в Шумихе

Весельчак с бетонного завода (И.Калиничев - слева)

И ПРИРОЖДЕННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

настоящий праздник. Привезли со станции столетнего аксакала: без его команды за столом никто ничего не возьмет. А стол богатый: лучшее вино, кабардинская каша. Речь застольная, пляски кавказские...

И даже когда Иван Калиничев уволился из армии, ребята из разных взводов и разных призывов зазывали его к себе: «Приезжайте, приезжайте, всегда гостем будете!».

В 1964 году Калиничева отправили в Ужур на строительство установок для пуска баллистических ракет. Вернулся он в 1967-ом и оказался перед выбором: или командовать ротой на асфальто-бетонном заводе, или идти в замы по хозяйству. Как прирожденный воспитатель, отец-командир выбрал роту, а там... сразу 65 человек с судимостями. Работали они прекрасно, но очень любили выпить. А выпьют - оживай дурного: в самоволку убегут, машину угонят... Что делать? Судить этих ребят Иван Калиничев не собирался. Памятуя о том, что командир роты - первый воспитатель в армии, решил воспитывать. И не наказаниями, а дисциплиной.

Бывало, пойдет на автобусную остановку, а за ним наблюдают. Садился на автобус, проезжал одну остановку и «стыла» опять заходил в часть.

- Заходишь в подразделение, даешь команду строиться. Построишь, а там уже человек пять нет, убежали за забор.

Что-нибудь продадут, купят выпивки... Воевал я с ними с полгода. Чтобы все о солдатах знать, надо постоянно с ними находиться, особенно на праздники. Самый «опасный» - Новый год: у них уже все припасено в снегу, ждут момента, когда на улицу выйти. Вот и оставляешь у дневального несколько пар валенок, чтобы по одному на улицу можно было выходить... Солдат постоянно надо держать на глазах.

СЕРЬЕЗНЫХ конфликтов у Ивана Калиничева не было даже с заключенными, которые у него служили. Ни одного человека командир роты старался не обидеть ни словом, ни тем более делом. Он со всеми находил общий язык, в том числе и русский.

В роте Калиничева были солдаты более двух десятков национальностей. Привезут человека в пополнение, а он по-русски не разговаривает. И командир роты целыми ночами с ними занимался: собирал всех, приглашал переводчика и начинал занятия. Солдаты сначала сидели, друг на друга смотрели, ничего не понимали. И тогда Калиничев «бросал» их в работу: есть бригада строительная, туда - русского, узбека, таджика... Работали ребята дружно, как одна семья. Глядишь, и понимать друг друга начинают. На такой результат Калиничев работал по полгода. Зато, как парням увольняться, они, расставаясь с командиром, плакали «на русском языке». Потому что прощались с ОТЦОМ-командиром, ведь когда служили, приходили к нему - прямо домой - именно как к отцу: поговорить о жизни, обсудить проблемы. И он всегда всех встречал на равных. А благодарность за это приходила потом от ребят в виде писем и открыток...

ЧТО чему предшествовало - забота о солдатах или забота о семье - сейчас уже сказать трудно. С равной человеческой теплотой отец-командир относился и к своей роте, и к своей семье, да и вообще ко всем людям.

...В сибирскую глушь Иван Калиничев приехал не один, а с семейством - женой Марией и тремя детьми: Ниной, Людмилой и сыном Сашкой - мал мала меньше. А здесь родили еще двух - Татьяну и Ирину. Так как сам глава семейства был круглыми сутками в шахте, основные семейные тяготы волею судьбы пали на плечи Марии Платоновны, этакого «заместителя по хозяйственной части». Жена часто болела, и, если попадала в больницу, а Иван не мог подняться из шахты, он присылал домой солдат, чтобы те сварили котел картош-

ки и накормили его домашнюю «роту».

С южных отпусков глава семьи никогда не возвращался домой без подарков. Причем подарки были для каждого свои: Нине белую шапочку - ей к лицу, Тане розовую кофточку, жене - теплый шарф.

А когда Иван Дмитриевич ехал к себе на родину, в Вологду, брал с собой свой «цыганский табор» да еще детей многодетного друга-офицера, тоже Ивана. Вез через полстраны: «нужных» детей на нужной станции «сдавал на руки», а обратно ехал - собирал и вез домой. И никогда ни у одной матери не возникало чувства, что что-то будет не в порядке. На него всегда надеялись.

Внутреннюю дисциплину Иван Калиничев воспитывал не только в себе и солдатах, но и в своих домочадцах. Вот вам случай.

Однажды, когда семья Калиничевых уже жила в городе, младшеклассника Саньку и еще пару его приятелей звал к себе в кинобудку старший дружок, киномеханик в «Родине». И дал им чуток выпить: попробуйте, мол. Захмелевшая малышня уснула прямо в кинотеатре. А домашние в это время подняли на ноги весь город: ребенок как в воду канул, всё обыскали - нету. Испугались не на шутку - кругом зеки...

Когда Саня пришел домой, отец завел его в ванную и отчитал по полной. После взбучки туда забежали девчонки: Сашка стоял с опущенными ушами и, не поднимая головы, сказал: «Чтоб я еще такое сделал... чтоб меня отец еще раз ругал - никогда!»...

СОТЦА-КОМАНДИРА пошла в семье Калиничевых и взаимная поддержка и выручка. Когда их дети еще не имели отдельные квартиры, в отеческой трехкомнатной «сталинке» одновременно жили по три семьи: каждая в своей комнате, но при этом в единстве с другими. Всем находилось, и до сих пор находится, место и в доме, и в сердце Ивана Дмитриевича и Марии Платоновны. Всех невесток и зятьев они приняли как родных, не отделяя «своих» от «чужих». Когда много лет назад тот же Сашка познакомил родителей со своей невестой Люсей, у которой, что называется, кроме юбочки, ничего не было, мать с отцом кривиться не стали, а приняли сноху как дочь.

Главным генератором семейного оптимизма и сплоченности, безусловно, нужно считать самого Ивана Дмитриевича, которого родные называют дедушкой: на все праздники он собирал родных за своим столом, руководствуясь принципом «я - отец, Маша - мать, и мы должны радушно принимать и кормить своих детей и делать всё, чтобы они с радостью шли к нам». Из-за таких убеждений детям ни разу - не на словах, а в мыслях - не было дозволено положить копейку или угощение на отцовский стол. Поэтому когда семья решила самостоятельно организовать дедушкин 80-летний юбилей, Калиничев запротестовал: «Я сам. - Дедушка, мы сами этого хотим, дай нам возможность. - Нет, я сам. - Можем мы тебе хотя бы один раз праздник сделать?». Упирался до тех пор, пока дети не выдали последний аргумент: «Разрешите хоть внукам показать, на что мы сами способны». Сдался. И то с условием: яблоки и апельсины покупает сам.

Ну а уж если у родных, как ближних, так и дальних, случится в семье какая беда, обязательно раздается телефонный звонок от дедушки и бодрый голос: «Как у тебя настроение? Держись, духом не падай, бери себя в руки. Материально поможем». В этом году в семье Калиничевых досталось всем: инфаркт у самого Ивана Дмитриевича, инсульт у Марии Платоновны, несчастный случай в зоопарке, когда медведь - роковое стечение обстоятельств - задрал един-

ственную невестку Люсю. Люси, чистой души, уже - увы! - не вернуть, но семья сумела пережить все несчастья и поднять на ноги мать и отца.

ПОИСТИНЕ необычным человеком можно считать того, о ком с уважением и восхищением отзываются не только родные, но и, казалось бы, чужие люди. Когда у «вечной» соседки Калиничевых - тети Нади Голубевой - умер муж, с ней рядом находился младший зять Ивана Дмитриевича, Юрий. И в одно из мгновений своего несчастья тетя Надя вдруг сказала: «Да, Юра, у тебя тесть - истинно белый офицер. Человек слова, чести, достоинства. Никогда никого не оскорблял, ни во что не ввязывался, но всегда советовал и помогал. Мой Сергей всегда высоко ценил Ивана Дмитриевича»...

И еще об одной черте «белого офицера» хотелось бы рассказать между строк.

В 70-ых годах Иван Калиничев получил звание майора. А пару лет назад к какой-то очередной дате ему присвоили звание подполковника. Однако новоиспеченный подполковник не обмолвился об этом ни единым словом. И не знала бы семья о новых погонах, если бы не случай. Как-то раз, когда большое семейство Калиничевых работало в своем саду-огороде, к ним заглянул сосед, который знает дедушку уже очень давно, и спросил: «Иван Дмитрич, а ты чего майором-то пришел?». Повисла пауза. А затем послышался ответ: «Не надо мне этого! Майора я ЗАСЛУЖИЛ, а это мне ДАЛИ»...

По словам дедушкиных детей, он всю жизнь прожил без выгоды, даже не мысля эту выгоду иметь. Просто жил. Ради детей и внуков, ради самой жизни. В свои 80 лет Иван Дмитриевич не разучился шутить, поднимать настроение. Никогда они с женой не отпускают гостя, не напоив его чаем, не расспросив о здоровье. Для самых маленьких членов семейства Калиничевых вот уже много лет существует целый «конфетный» ритуал: никто еще ни разу не ушел от дедушки без сладостей. И важны им даже не конфеты, а дедушкино внимание.

Никогда никто не слышал дедушкиных жалоб. Потому что жизнью он вполне доволен: «Конечно, - говорит, - болячки у нас с бабушкой есть, как и у всех в нашем возрасте это закономерно. Мы ничем не лучше других. Живем в красивом городе. Спим, едим, государство пенсию платит. Дети нас не забывают. Чего еще надо?».

А над вопросом, что в жизни главное, Иван Дмитриевич задумался и, чуть погодя, ответил: «Сложный вопрос... Главное - жить!».

ЕСТЬ такое модное слово - толерантность. То есть «терпение». Терпение в плане уважения чужого мнения, чужой жизненной позиции.

...На свадьбе у внучки Александры Иван Дмитриевич произнес:

- Я бы хотел, чтобы вы женились один раз; в нашей семье никто не женился дважды. У всех раз и навсегда были крепкие семьи, жили, находили общий язык, взаимопонимание.

И, размышляя над их семейными принципами и традициями, как-то не приходится удивляться тому, что семьи были «раз и навсегда». Таким отношениям значительно способствует преемственность, существующая в большой дедушкиной семье, огромное уважение и поддержка родных. Сто против одного, что правнуки Ивана Дмитриевича создадут столь же крепкие семьи. Ведь за спиной - тыл: три поколения, которые всегда помогут, посоветуют, подкажут...

Елена ТЕРЕХИНА

С детьми в день своего 80-летия

Школа №97 в Шумихе, где учились офицерские дети